

DOI: 10.11649/abs.2014.002

Юлия Гурская*Белорусский государственный педагогический университет**Минск**julia.gurskaja@mail.ru*

Деантропонимные топонимы белорусско-польского пограничья

Территория пограничья является специфическим ареалом, несмотря на то, что понятие «языковое пограничье» или «культурное пограничье» не нашло однозначного определения в трудах исследователей. Согласно А. Кłosковской, «пограничье представляет собой любое соседство национальных культур, которое может вытекать из национально и этнически смешанной генеалогии и супружества, принадлежности к национальному или этническому меньшинству на территории, где доминирует другая национальная культура, из эмиграционной ситуации, а также из индивидуального национального преобразования или перехода от одного национального самоопределения к другому, которое не может означать сплошного прерывания предшествующих культурных связей» (Kłoskowska, 1996, с. 125) (перевод наш – Ю.Г.).

В соответствии с данным определением термина «пограничье» можно рассматривать территорию Западной Гродненщины, которая с самого начала заселения не была однородной в лингвистическом и этнокультурном отношении. Согласно историческим данным, с древности данная территория была местом взаимодействия балтийских и славянских племен, в силу чего заслуживает особого внимания, поскольку этот регион связан с целым комплексом проблем изучения реликтов исчезнувших западнобалтских языков и диалектов.

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2014.

Publisher: Institute of Slavic Studies PAS & The Slavic Foundation
[Wydawca: Instytut Sławistyki PAN & Fundacja Sławistyczna]

В XIII в. вдоль Свислочи и Немана проходила ятвяжско-восточнославянская граница, о чем свидетельствуют многочисленные гидронимы и топонимы, расположенные на правом берегу Немана. До настоящего времени территория Понеманья представляет собой вибрационную языковую зону (Непокупный, 1974, с. 75). В работах А. П. Непокупного выявлены топонимические изоглоссы Дайнава и Ятвезь, которые проходят вдоль течений Нарева, Бебжи и верховьев Немана. Исторически Гродненщина была также одним из регионов прусской эмиграции (Непокупный, 1976).

Одним из проявлений сложных языковых и этнических процессов являются ономастические единицы. На основе географических названий польский историк Е. Якубовский реконструирует этнический характер данной территории (Jakubowski, 1935). Ономастические данные позволили исследователю определить этнический состав населения как смешанный литовско-белорусский с преобладанием белорусского элемента. Историк отмечает, что в XVI в. на данной территории наступила сплошная языковая ассимиляция двух этнических групп. Разговорным языком стал белорусский, а этническое различие выражалось в вероисповедании: литвины были католиками, в то время как белорусы православными. Польского элемента на данной территории было немного, однако влияние польской культуры было значительным: в повете, как и во всем Великом княжестве Литовском, польский язык был языком высшего сословия (Jakubowski, 1935).

Особого внимания заслуживают данные польского историка Е. Висьневского о расселении рыцарских родов в Гродненском повете. Как отмечает исследователь, скопление восточном берегу Цыдики, Глиндичи, Ёдкевичи, из исторических источников известны происхождения. поселений рыцарей, протянувшихся выразительной полосой вдоль реки Свислочь, которая еще с конца XIV в. служила преградой дороги на восток, указывает на их целесообразность. Подобный тип размещения рыцарей формировался на Мазовше в конце XIV – начале XV вв., что позволяет отнести начало поселений указанных родов над Свислочью и под Крынками к этому периоду (Wiśniewski, 1977, с. 28). «Поскольку, – пишет Е. Висьневский, – это было время правления великого князя Витовта, можно предположить, что инициатором, по крайней мере, части из них, был князь Витовт» (Wiśniewski, 1977, с. 28) (перевод наш – Ю.Г.). По мнению исследователя, можно допустить, что многочисленные шляхетские околицы за Неманом около Гродно и Лиды, а также с южной стороны Немана над Свислочью были поселениями ятвяжских рыцарей, во всяком случае, их часть: *Почобуты, Гобяты, Цыдзики, Саросеки, Толочки, Эйсмонты* и др. (Wiśniewski, 1977, с. 28).

Ойконимы белорусского ареала исторически связаны с аналогичными топонимами на приграничье с польской стороны, где шляхетские околицы (Bilwiny, Kundzicze, Malawicze) соседствуют с крестьянскими католическими

и православными деревнями. О том, что данную территорию можно рассматривать как единое целое, свидетельствуют и многочисленные родственные связи между шляхетскими семьями по обе стороны границы (Sawaniewska-Mochowa & Zielińska, 2007, с. 49).

Структурно-семантические особенности ойконимов белорусско-польского пограничья были предметом внимания польских (Kondratiuk, 1985), белорусских ученых (Янушкевич, 1998; Бубновіч & Сіплівеня, 2012), однако проблема исследования деантропонимических топонимов данного региона в контексте этноязыковых и культурных контактов остается недостаточно изученной.

Рассмотрим наименования, производные от антропонимов, зафиксированные на территории Западной Гродненщины. Языковой базой исследования послужили памятники письменности XVI – XVII вв., а также материалы, собранные автором во время полевых экспедиций в 2007 – 2010 гг. на территории белорусско-польского пограничья.

В рассмотренном материале с историко-этимологической точки зрения выделяются разные по характеру и времени происхождения пласты. Обширную группу составляют ойконимы балтийского и славянского происхождения, образованные от апеллятивных личных имен и прозвищ нарицательного характера. Значительную часть составляет группа ойконимов, в основе которых лежат христианские иноязычные имена, появившиеся в процессе принятия христианства. К третьей группе можно отнести ойконимы, образованные от древних сложных и возникших на базе их компонентов кратких имен, вытекающих из общеиндоевропейского или «древнеевропейского» состояния. Данная группа онимов является самой сложной, не поддающейся однозначному толкованию. Рассмотрим каждую группу.

1. Деантропонимные топонимы славянского происхождения

Среди ойконимов славянского происхождения выделяется 3 основных группы наименований: а) родовые, б) патронимические; в) принадлежностные названия.

1.1. Родовые наименования составляют значительную группу. В их основах фиксируется коллективное название основателей поселения по имени или фамилии их общего предка. На стадии возникновения такие названия обозначали группу людей по их общему имени, «которым они пользовались совместно как члены одного рода или которым их именовали со стороны» (Kondratiuk, 1985, с. 70). С исторической точки зрения в данной группе можно выделить:

а) названия, образованные от восточнославянских личных имен и прозвищ по модели *pluralia tantum*: **Белакозы** <Белакоз; **Верабейкі** <Верабейка;

Хвасты <Хвост; **Калеснікі** <Калеснік; **Лойкі** < Лойка <Лой (ср. в.-слав. ап. лой 'топленое сало; свечное сало') (Даль, 1979, с. 264), **Салаўі** < Салавей; **Сугакі** < Сугак (ср. рег. сугак 'костяное или деревянное плоское шило для подплетения лаптей'), 'тонкий, худой человек' (Бірыла, 1969, с. 396).

б) названия от прозвищ польского происхождения: **Zareby**, ср. польск. *Zareba*; **Zarudawie**, ср. польск. *Zaroda*, *Zarodkiewicz*, *Zarodziński*, *Zarodny*; *Zaród*, *Zaródski*, *Zarudzki* (Rymut, 2001, с. 726).

в) названия, общие для восточнославянских и польского языков: **Клачки**, ср. блр. *Клачко*, *Клочка*, *Клачкоў* (Бірыла, 1969, с. 205); польск. *Klocza*, *Kloczko*, *Kloczkowski*, ср. ап. *kloc* 'большой кусок дерева, колода' (Rymut, 1999, с. 410); **Навасады** < *Навасад*, ср. блр. *Навасад* 'новый поселенец, переселенец из другой местности' (Бірыла, 1969, с. 294); польск. *Nowosad* 1545 – от *nowo* + *sadzać* (Rymut, 2001, с. 163); **Рудаки** < *Рудак*.

1.2. Патронимические ойконимы составляют другую группу - они реализуют модель 'местожительство семьи'. Вслед за Н. В. Бирилло к отпатронимным мы относим ойконимы на *-ичи*, *-ицы*, *-овичи/-евичи*, *-иничи/-ыничи*, *-онки/-ёнки*, *-аты/-яты*, *-еняты*, *-енки* от собственных имен и прозвищ. Значительно представлены патронимические ойконимы, образованные от славянских сложных имен, имен-прозвищ и фамилий: **Баранавічы** < Баран, **Бабынічы** < Бабыня; **Брыкавічы** < Брык; **Бялевічы** < Белы, **Вялічкавічы** < Вялічка, **Гядавічы** < Гяд; **Галавачэвічы** < Галавач; **Галаўнічы** < Галаўня; **Жылічы** < Жыль (Жыліч), **Завадзічы** < Завада, **Зубавічы** < Зубаў < Зуб, **Кісялевічы** < Кісель; **Карэневічы** < Корань; **Прыступічы** < Прыступа, **Пужычы** (*Пузічы*) < Пуза; **Пыхоўчыцы** < Пыхоўка, **Ракавічы** < Рак, **Рацічы** < Раць (: Ратимир, Ратибор), **Семяронкі** < Семяронак, **Сухмяневічы** < Сухмень, **Сукавічы** < Сукаў, **Цыбулевічы** < Цыбуля, **Шчэрбавічы** < Шчэрба.

Среди патронимических ойконимов, мотивированных апеллятивами, отмечены также шляхетские околицы:

Абуховічы: *Иванъ Игнатовичъ з Обуховичъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 681); *Oth grunthow boyar Obuchoczow* 1558 (ПКГ, 1881, с. 43).

Арэхавічы (Арэшкавічы): *Pan Józef Orzechowicz* 1765 (АВАК, 1874, с. 402).

Гушчыцы: *Гуцин Грин Городенского пов.* 1528, 231; ср. польск. *Huszczicz* 1551; *Makar Huszcza* 1545 (SHN, 1997, с. 120); *Pan Tadeusz Huszcza* 1765 (АВАК, 1874, с. 414).

Равяцічы: *Boiar Rewiacic* 1558 (ПКГ, 1881, с. 280). Ср. блр. *Равяка* < *равяка* 'тот, кто ревет' (Бірыла, 1969, с. 344); арх. *ревяк* 'вид рыбы', *ревякин* 'шуточное прозвище медведя', семейное прозвание (Даль, 1980b, с. 89).

Тужэвічы (Тужэўляны). По мнению В. А. Жучкевича, ойконим образован от древнерусских слов *тужить* 'горевать', *тужбица* 'горемыка; плакальщица',

производных от основы *туга* (Жучкевич, 1974, с. 379). Ср. лит. *Tuzas, Tūzinas*, блр. *Тузин*, лит. ап. *tūžimas* 'злоба, ярость', *tužinti* 'злить, разъярять'.

1.3. Посессивные названия. Третья группа ойконимов реализует модель 'местожительство владельца поселения'. Они характеризуются по признаку наличия в структуре формантов *-ово/-ево/-ёво*, *-овка/-евка/-ёвка*, *-щина*, *-овщина/-евщина*, *-ин*, *-ина*.

Значительную часть в данной группе составляют ойконимы, мотивированные прозвищами: *Абухава* < Абух, *Бакаларава* < польск. *Bakałarz* < ст.-польск. *bakałarz* 'учитель' (Rymut, 1999, с. 15); *Баранава* < Баран; *Бердава* < Берда (ср. *бердо* 'часть ткацкого станка, род гребня') (Даль, 1978, с. 81), *Бубнава* < Бубно, Бубен, *Каханова* < Кохан, *Ліскава* < Лисько, *Мазанава* < Мазан, *Палоскава* < Палоска, *Палаткова* < Палатка, *Пачынкаў* < Пачынак, *Поразава* < Пораз (Полаз); *Пузава* < Пуза, *Сколабава* < Сколаб (ср. диал. *сколобить*, *сколобанить* – «смять, свалить колобом») (Даль, 1980b, с. 201), *Страшава* < Страх, *Страшак*, *Хойнава*, ср. польск. *Choja, Chojak, Chojna* < *choja, chojna* (Rymut, 1999, с. 80), *Храпава* < Храп.

В меньшей степени представлены ойконимы, образованные с помощью суффиксов *-овщина/-овщ)изна*, широко распространенные на польской территории (Safarewiczowa, 1956), ср. *Вайцехаўшчызна*, *Зброжкаўшчызна* < *Zbrożek* < *Zbroślaw*, *Злобаўшчызна* < Злоба, *Кунцаўшчызна* < Кунц; *Унучкаўшчызна* < Унук, Унучак, *Чэхаўшчызна* < Чех.

Спорадически отмечены ойконимы на *-ин/-ино*: *Калбасіно*, *Старажыно*, *Мальшычын*, *Струпіна*; наименования, равные двусловным именам: *Гарадзіслаў*, а также ойконимы на *-аны/-яны*, мотивированные славянскими антропонимами: *Растаўляны* (ср. слав. имена типа польск. *Rościślaw*, чеш. *Rostislav*).

2. Деантропонимные топонимы балтийского происхождения

Среди топонимов балтийского происхождения можно выделить:

- а) ойконимы, образованные от древних сложных имен индоевропейского типа (в терминологии Т. Милевского) и их сокращенных форм по модели *plurality tantum*;
- б) ойконимы, образованные от личных имен и прозвищ;
- в) ойконимы, сохранившие литовскую словообразовательную структуру;
- г) балтийские названия, адаптированные к славянским языкам.

2.1. Ойконимы от древних сложных имен индоевропейского типа:

Даў-спуд-ы. Название мотивировано древним двучленным именем балтийского происхождения. Первый компонент *Dau(g)*- представлен в литов-

ских именах: *Daū-bara, Daū-baris, Daū-bartas, Daū-beras, Daū-boras, Daū-deras, Daū-galas, Daū-gintas*. Данная основа связана с лит. *daūg* – ‘много’ (LPZ, 1985, с. 470). Постпозитивный компонент соотносится с гнездом родственных слов: лит. *spūdinti* ‘идти (потихоньку, поджав хвост); волочиться, тащиться’, *spūdis* ‘давление, нажим, напор’, ср. литовские антропонимы: *Spūd-vilas, Spūdys, Spūdas, Spūdis* (LPZ, 1989, сс. 786–787).

Эйс-ы-манты (Ейсимонты, Eśmonty, Eysymonty, Eysymąty). *Эйсыманты Вялікія, Эйсыманты Малыя* (3). Ок. шл. основаны ятвяжскими рыцарями в XVI в. (Wiśniewski, 1977, с. 28): *Венславъ Торкачъ Ейсимонтъ з ыменья своего у Ейсимонтахъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 695). В основе ойконима лежит древнее сложное имя. Первый компонент *Aīs-(Eis-)* связан с гнездом генетически родственных слов, возникших на базе и.-е. корня **eis-*, ср. лит. *eīti* ‘идти’, *jóti* ‘ехать (верхом)»; *eid-lus* ‘ходкий’, *eig-a* ‘ходьба»; др.-прусск. *ēisei* ‘идти»; др.-исл. *eisa* ‘бежать вперед»; др.-инд. *ya* ‘идти, ходить, ехать’, *yaṇas* ‘путь, дорога’ (Юркенас, 2003, сс. 73–74). Данная основа широко представлена в древней антропонимии, гидронимии: ср. антропонимы: др.-прусск. *Ey-mant* (Trautmann, 1925, сс. 27); лит. *Aīs-mant-as, Aīs-ment-as, Aīs-mintas, Aīs-montas, Aīs-muntas, Eīs-mantas, Eīs-mintas; Eīs-monta; Eīs-ì-mont-as; Eīs-montas; Eīs-mont-ovičius; Eīs-muntas; Eiš-ì-mont-as; Eiš-ì-mant-as; Eiš-mont-as; Jaš-manta; Jāš-mantas; Jāš-montas; Ješ-montas; Jėš-montas; Jiėš-manta; Jiėš-mantas; Jiėš-mant-āvičius* и др. (LPZ, 1985 – 1989, сс. 70, 562); польск. *Ei-mont, Eis-ment-owicz; Eis-mond, Eis-mont, Eis-mund, Eis-munt, Eis-y-mont, Ej-mond, Ej-mont, Ej-montt, Ejs-ment-ewicz, Ejs-ment-owicz; Ejs-mond, Ejs-mondt, Ejs-mont, Ejs-mont-owicz, Ejs-montt, Ejs-mund, Ejs-mundt, Ejs-munt, Ejs-munt-owicz, Ejs-muntt, Ejss-mont, Ejss-ymont, Ejsy-mond, Ejsy-mont, Ejsy-montt, Ejzy-mont, Es-mant-owicz, Es-mąt, Es-mont, Es-mund, Ey-mont, Ey-montt, Eys-ì-mont, Eys-ì-munt, Eys-mont, Eys-montt; Eysy-mont, Eysy-month, Eysy-montt, Eysy-muntt* (SNW, 1993, сс. 12–15, 34–35, 40); гидронимы: лит. *Aistà, Aisė, Aisetas, Aisetà*; лтш. *Aiša, Aišāte*; др.-прусск. *Ayssen* (Vanagas, 1981, с. 36).

Второй компонент *Man(t)-* связан с индоевропейским корнем **men*, на базе которого возник ряд родственных слов: ст.-слав. *mъněti*, русск. *мнить, помнить*; лит. *mintis* ‘мысль’, *minėti* ‘вспоминать’, *manýti* ‘думать, предполагать’, *mantùs* ‘смышлелый»; гот. *man* ‘полагаю’, *manan* ‘думать, воспринимать’, *gamunds* ‘память»; др.-инд. *mānas* ‘мысль, ум’, греч. *mévos* ‘сила, мощь; мысль, намерение’, *μάντις* ‘прорицатель, пророк’. Как отмечает Ю. Юркенас, «основы со значением “мышление”, возникшие на базе корня **men*, обозначали человека как разумное, думающее существо, в силу чего широко использовались в качестве личных имен почти всеми индоевропейскими народами» (Юркенас, 2003, с. 138).

Генюшы (Геніюшы, Кгінюшы). Ок. шл. *Матысь Болтromeевичъ з Кгінюшовъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 688). В основе наименования лежит антропоним, образованный на базе древних двучленных имен в результате сокращения одного

компонента, ср.: *Gén-tautas, Gén-tilas; Al-genas, Aū-genas, Eī-genas*; сокращенные литовские имена: *Gīnius, Gīnys, Gėniušas, Gėniušis*. По мнению исследователей, компонент Gen-/Gan- является прусским наследием, ср. др.-прусск. *Aw-gons, Daw-gon; Ganathe, Gannot; Ganette; Ganicke*; лит. *Gan-gaila* (Trautmann, 1925, с. 137). Данная антропооснова связана с гнездом родственных слов: лит. *genù* 'гнать', *ginti* 'защищать', *ganýti* 'пасти, беречь', прусск. *guntwei* 'гнать', ст.-слав. *gьpati*, др.-инд. *hanti* 'бьет' (Юркенас, 2003, с. 95).

2.2. Наименования от балтийских имен и прозвищ:

Вігры. В основе названия лежит антропоним балтийского происхождения, ср. лит. антр. *Wigráitis < vigrùs* 'извилистый' (LPZ, 1989, с. 1208).

Вількінікі. Наименование восходит к апеллятивному антропониму, ср. польск. *Wilk*, лит. *Vilkinas, Vilkinis, Vilkas*; лтш. *Viļķins*; лит. *vilkas* 'волк' (LPZ, 1989, сс. 1217–1218); польск. *wilk*.

Габяты (Гобялтич, Кгобятичъ). Ок. шл. (3 д. и 2 двора, владельцами которых являются Эйсмонты) (Kondratiuk, 1985, с. 33). *Есько Ворошиловичъ з ыменя своего з Кгобялтичъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 696); ср. др.-прусск. *Gubiniten* 1259 < *Gōb-*; лит. *Gobė, Góbužas*, др.-прусск. *Gobis* 1260; антр. *Gubike* 1299, *Gobaun* < прусск. *gōb-*, *pergūbons* 'возвращение' (Būga, 1961, с. 144). Ср. литовские фамилии: *Gabetà, Gabietà, Gobiata, Gābis, Gabýs, Gōbys, Gobýs, Guōbis*. Литовские исследователи этимологию данных антропонимов связывают с апеллятивами: лит. *góbtì* 'окутывать, покрывать', *gabùs* 'способный, одаренный', *gúoba* 'вяз, ильм, берест' (LPZ, 1985, с. 744).

Дайліды. Наименование мотивировано апеллятивным антропонимом, ср. лит. *Dailidà, Dailydà, Dailidė, Dailýdė, Dailidis, Dailidkà, Dailitka* от ап. *dailidė* – 'плотник' (LPZ, 1985, сс. 445–446). Ср. литовские топонимы: *Dailidėnai, Dailidės, Dailydiškės* (LPZ, 1985, с. 52).

Дарг-унд-ы (Дворгунты, Доргунь). В основе названия лежит литовский антропоним типа: *Dārgis, Dargýs < dargùs* 'ненастный, слякотный; мерзкий; злой, раздражительный' (LPZ, 1985, с. 462). Суффикс *-unt (-ant, -ent, -int)* распространен в балтийской онимии (Trautmann, 1925, с. 184).

Кордзікі. Ср. др.-прусск. *Cordene* (Trautmann, 1925, с. 48); лит. *Kárdas, Kardėlis, Kardis*; др.-инд. *Kīrti, Kīrti-varman*. Онимы восходят к гнезду родственных слов: лит. ап. *kardas* 'отзвук; эхо'; др.-прусск. *kirdit* 'слышать' (Юркенас, 2003, с. 105).

Нямейшы (Намейкшы). Ср. лит. *Nemeikšis, Nemeikša*. Антропонимы, на базе которого возник ойконим, вероятно, связаны с лит. ап. *nemėigša, nemėigėlis* 'слабый, немощный; плохой, жалкий, скудный, бедный' (LPZ, 1989, с. 318).

Трумпы. В основе наименования лежат литовские антропонимы типа: *Trūmpra*, *Trūmprà*, *Trump-is* < лит. *truīpras* ‘короткий’ (LPZ, 1989, с. 1073). Ср. др.-прусск. *Trūmpis* 1349, *Trūmpe* 1360, *Trūmpra* 1355, топ. *Trumiten*; литовские топонимы: *Trūmpaičiai*, *Trūmpėnai* (LTSR, 1976, с. 108).

2.3. Ойконимы, сохранившие литовскую словообразовательную структуру

2.3.1. Ойконимы с суффиксом *-ei/-ейки*.

Отмечены ойконимы балтийского происхождения с суффиксом *-ейки* < *eika*, *-eikis* (*-eikiai*, *-eikos*), который в литовском языке имеет пейоративное значение:

Вейс-ей. Название, вероятно, восходит к древним литовским именам типа: *Veīs-gelas*, *Veīs-manas*, *Veīs-mantas*, *Vėisas* (Zinkevičius, 2008, с. 158). Ср. др.-прусск. антропонимы: *Wayse-buth*, *Wayse-gaw*, *Ways-nar* (*Waysse-nore*); *Ways-tauthe*; *Gawde-ways*, *Nar-wais*, *Waysete*, *Waysil*, *Waysim*, *Waysuthe* (Trautmann, 1925, с. 155). Ср. гидр.: лит. *Veis-iėjis*, лтш. антр. *Veisis*, нем. *Weiss* (LPZ, 1989, с. 1181); др.-прусск. *Weys-icke*, *Weys-en*, *Weis-pelke* (Савукина, 1966, с. 170).

Нар-эйки. *Pan Franciszek Nareyko* 1765 (АВАК, 1874, с. 408). В основе ойконима лежит антропоним балтийского происхождения, ср. др.-прусск. *Nore-munt*, *Noriko*, *Norim*, *Noryn*, *Nor-mans*, *Nor-moke*, *Noron*, *Norun*, *Nor-wig* (Trautmann, 1925, с. 72); лит. *Norėika*, *Noreikas*, *Noreikis*. Компонент *Nor-*, по мнению исследователей, связан с лит. *norėti*, *nóras* ‘хотеть, желать’ (LPZ, 1989, сс. 332–333).

Рум-ейки. Ойконим мотивирован антропонимом балтийского происхождения, ср. лит. *Rumeikis*, *Roméika* < из лит. *romùs* ‘кроткий, смиренный’ (LPZ, 1989, с. 620).

Сядз-ейки. Ойконим восходит к имени апеллятивного происхождения, ср. лит. *Sedėika*, *Sedeikà* < лит. *sedeikà* ‘домосед’ (LPZ, 1989, с. 690).

Чыш-эйки (*Ciszeiki*). Дв. шл. *Podlie gruntu boiaryna Cziessseika* 1558 (ПКГ, 1881, с. 498). Ср. др.-прусск. антр. *Thessim*, *Tessym*, *Tesim*, *Czesim*, *Czesune*, *Czyssune* (Trautmann, 1925, с. 105); др.-прусск. топ. *Tessen*, ср. лит. *tiesùs* ‘прямой, честный’ (Gerulis, 1922, с. 182). Суффикс *-eika* регулярно выделяется в составе литовских собственных и нарицательных имен, что свидетельствует о его балтийском происхождении.

2.3.2. Ойконимы с суффиксом *-ишки*

В меньшей степени представлены ойконимы на *-ишки* < *-iškė*, (мн. ч. *-iškes*), *-iškis* (мн. ч. *-iškai*). Суффикс *-ишки* на белорусской территории восходит к литовским топонимическим суффиксам: *-iškė*, (мн. ч. *-iškes*), *-iškis* (мн. ч. *-iškai*), используется для названий жителей по месту проживания или по имени родоначальника местности (Бірыла & Ванагас, 1968, с. 12).

Верцялішкі. Корол. дв. Ср. *Вертолович Пётр* Жамойтской земли 1528, 211. Ср. др.-прусск. *Asso-virt, Po-wirte; Wirtheil; Wirtil; Wirthen* < **Wirte*. Антропонимы, вероятно, связаны с корнем **Vart*, ср. др.-прусск. *Wart-wille, Jo-wart, Warstenne, Warstune*, лит. *Vartuns*, др.-прусск. *aina-wārst* ‘один оборот’ (Trautmann, 1925, с. 155). Ср. литовские двучленные личные имена: *Vér-kulas, Vér-ligas, Vér-lingas, Vér-mantas, Vér-motas, Vér-šilas, Vér-talas, Vér-telas* (Zinkievičius, 2008, с. 159); Первый компонент, вероятно связан с и.-е.**uer* ‘вертеть, поворачивать, вращать’, ср. польск. *Wroci-mir*.

Путрышкі. В основе ойконима лежит антропоним балтийского происхождения, типа лит. *Putrà, Pùtris, Putrỹs*, лтш. *Putra* – от лит. ап. *putrà* ‘похлебка’, ср. лтш. *putra* то же (LPZ, 1989, с. 544).

2.3.3. Ойконимы с суффиксами *-аны (-он)/-яны*

Как отмечают исследователи, ойконимы с суффиксами *-аны/-яны* возникли на основе двух топонимических моделей литовского языка: *-ėnai, -onys* или от литовских антропонимических основ на *-onis, -ėnas*, освоенных в белорусском языке как основы *-он, -ен*. Суффиксы *-enas, -onis* являются патронимическими или образуют названия людей по месту жительства (Бірыла & Ванагас, 1968, сс. 36–38).

Крыкштаны. В основе ойконима лежит, вероятно, христианское имя типа: лит. *Kristijonas* и *Kristus* (LPZ, 1985, с. 1076).

Крушняны. Ойконим возник на базе литовского антропонима, ср. лит. *Krušinỹs, Krušnà*, вероятно, от лит. ап. *krušnùs* ‘хрупкий, ломкий’ (LPZ, 1985, с. 1093).

Пабержаны. Ср. лит. *Pa-beržis*. *Pa* – одна из самых распространенных приставок в литовском языке, которая используется и для образования антропонимов: *Pa-balỹs, Pa-piévis, Pa-šilyš*. С основой *Berž-* в литовском языке зафиксированы следующие единицы: *Berž-aitis, Berž-as, Berž-ėlis, Berž-inis, Berž-inius, Berž-ỹs* (LPZ, 1985, с. 243).

Чарлёна. В основе названия лежит антропоним литовского происхождения, ср. лит. *Čiurlionis* < *čiurlỹs* ‘стриж’ (LPZ, 1985, с. 434).

3. Топонимы, образованные от христианских имен

Часть основ названий данной группы соотносится с христианскими личными именами, которые приняты и православной, и католической церквями и полностью совпадают по звучанию: *Адамовічы* (: Адам, польск. Adam), *Алексічы* (: Алексей, польск. Aleksy), *Маркавічы* (: Марк, польск. Marek), *Марицінавічы* (: Мартин, польск. Marcin, Marta), *Міхалкаўшчына* < Михалко: Михаил, *Рамановічы* (: Роман, польск. Roman).

Значительная группа ойконимов восходит к православным именам, неизвестным в католической церкви, либо именам, соответствующим по звуковому оформлению православной именной системе: *Ількавічы* < Ілько < Ілія, *Мялешкі* < *Мялешка*: Мелетий, *Палуяны* < Палуян: Полиен, *Сямашкі* < Семашко : Симеон, *Ярмолічы* (: Ермолай), *Максімавічы* (: Максим), *Малахавічы* (: Малахия), *Зіняковічы* (: Зиновий, Зиноп), *Іванавічы* (: вст.-слав. Иван: Иоанн), *Кур'янавічы* (: вст.-слав. Кириан, Кирилл), *Наумавічы* (: Наум), *Пракопавічы* (: Прокопий), *Цярэшкі* < *Терешко*: Терентий; *Бакунова* (Бакун : Аввакум), *Барысава* (Борыс: Борис), *Васількаў* (Василько: Василий), *Дзямідкава* (Демидко: Диомид), *Ходарава* (Ходор : Феодор).

Обращает внимание, что часть ойконимов, закрепивших названия шляхетских околиц, основанных в XVI в., также мотивирована православными личными именами:

Глебавічы. Ок.шл. *Федоръ Матфеевичъ Глебовичъ зъ села Глебовичъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 702); *Mikołaj Hlebowicz* 1512 (SHN, 1997, с. 111); *Pan Bartłomiej Hlebowski z Hlebowicz* 1765 (АВАК, 1874, с. 394). Ср. вст.-слав. Глеб.

Занявічы. Ок. шл. *gruntow boiar Zaniewiczow* 1558 (ПКГ, 1881, с. 478). *Заневич Матфей* Слонимского пов. 1528, 241; польск. *Pan Dominik Zaniewski* 1765 (АВАК, 1874, с. 423). Ср. лит. *Zan-gailas, Zānas, Zanaitis, Zanāvičius* (Zinkevičius, 2008, с. 165). Ср. вст.-слав. церк. *Зиноп*.

Ігнатавічы. Ок. шл. *Pan Jerzy Ignatowicz* 1765 (АВАК, 1874, с. 394). Ср. вст.-слав. *Игнат*: *Игнатий*.

Кузьмічы. Ок. шл. *Матей Богдановичъ Кузмичъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 697); *boiarom Kuzmic* 1558 (ПКГ, 1881, с. 486). Ср. ИС *Кузьма*: церк. *Косма*.

Радзівонавічы. Ок. шл. *Радивонович Олехно* 1528 (ПВЛ, 2003, с. 326); *Pan Marcin Radziwonowski* 1765 (АВАК, 1874, с. 413). Ср. вст.-слав. *Радзивон*: *Родион*.

В этой группе выделяются также ойконимы, образованные от славянских двучленных имен:

Нацевічы. Ср. русск. *Начеслав*, польск. *Naczęslaw* (SHN, 1997, с. 255). Возможно, также образование от сокращенного христианского имени *Нац*: *Игнатий*, блр. *Игнаций*.

Некрашэвічы. В основе ойконима с отрицанием лежит славянское апотропеическое имя *Некрас*, ср. блр. *Некрас*; русск. *Некрас*, *Некраско*, *Некрасец*, укр. *Некрас* (Бірыла, 1969, с. 298).

Пуцілавічы. В основе ойконима лежит одна из форм личного имени *Путила*, *Путило*, производных от славянских двусложных имен *Путислав*, *Путимир*.

Станевічы. Ок. шл. *Мисюли Станевичъ з ыменя Станевичъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 697). Ойконим образован на базе личного имени *Станислав*, которое

было одним из самых популярных по данным письменных памятников (Юркенас, 2003, с. 35).

Обращают внимание названия, закрепившие эмоционально-оценочные формы с суффиксом *-к-*: *Вицькі* (*Wickowo*, *Wycicki*) < Вицько (: Виктор), *Данілкі* < Данілка (: Даниил), *Ількавічы* < Ілько (: Илия), *Міцкевічы* < Міцька (: Димитрий).

Спорадически зафиксированы ойконимы, мотивированные именами, принятыми католической церковью: *Малгажаты*, *Янувка*. Отмечены также названия, которые можно отнести как к христианским, так и древним славянским именам: *Мілкаушчызна*, ср. антр. *Милко*: церк. *Милий*, а также сложные имена типа польск. *Miłosław*, *Miłogost*.

Отдельную группу составляют ойконимы от христианских имен, которые находят параллели в балтийских и/или германских языках:

Бершты. Ср. лит. *Berštà*, лтш. *Bērstis* (LPZ, 1985, с. 241); ср. также *Bēršteinās* < нем. *Bärenstein* (Gottschald, 1954, с. 181).

Цыдзікі (Тидики, Дидиковичи, Тидиковщизна). Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. (Wiśniewski 1977, с. 28). Ср. лит. *Tidik-as*; др.-прусск. *Tydde*, *Tide*, *Thede*, *Tydeico*, *Tydenne*, *Tydico*, *Tydeko*, *Tidiko*, *Tyddika*, *Tidix* (с деминутивным суффиксом *-ik*: *Tydico*, *Tydeko*, *Tidiko*, *Tyddika*, *Tidix* (Trautmann, 1925, с. 105), герм. имена *T(h)iede(c)ke(n)*, *Thiedig*, *Ti(e)deke*, *Tietig* (LPZ, 1989, с. 1042).

Пралейкі. Ср. лит. антр. *Preleika*, *Praleikà*. В основе ойконима лежит, вероятно, христианское имя *Фрол* (LPZ, 1989, с. 502).

Ганцавічы. Ойконим восходит к антропонимам, ср. нем. *Ganz*, польск. *Ganc* или вторично от ср.-в.-нем. *gans* 'гусь'.

Каеневічы. В основе ойконима лежит христианское имя типа лит. *Kajėnas* < *Kajetõnas* (LPZ, 1985, с. 890).

Мікелевічы. В основе ойконима лежит христианское имя типа лит. *Mikelaitis*, *Mikelėnas* < *Mikelis* (LPZ, 1989, с. 228).

Пяцельчыцы. Ойконим восходит к христианскому имени *Petelis*, *Petel* (: *Pėtras*) (LPZ, 1985, с. 434).

4. Гибридные топонимы

Среди гибридных названий можно выделить следующие типы:

- а) ойконимы с основой балтийского происхождения и суффиксом славянского происхождения;
- б) ойконимы с основой славянского происхождения и балтийским суффиксом;
- в) онимы, в которых один компонент славянский, а другой – балтийский.

4.1. Ойконимы с основой балтийского происхождения и суффиксом славянского происхождения:

-ичи. Бірулічы. В основе ойконима, вероятно, лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Barùlis* < *barùs* 'сварливый, бранчливый' (LPZ, 1985, с. 206).

Быльчыцы. Ок. шл. *Pan Antoni Bylczyński* 1765 (АВАК, 1874, с. 416). Ср. лит. *Bilčius*, вероятно, из лит. *bilčius* 'шум, суета; движение' (LPZ, 1985, с. 257).

Вербілавічы. Ойконим мотивирован антропонимом апеллятивного происхождения, ср. лит. *Virbylā, Verbylā*; лит. *viřbalas* 'спица; пруток', 'стержень'.

Гердзавічы. Ср. лит. *Gird-*, польск. *Gerda, Gierdzej, Gierdko, Gierdo, Gierdziejewicz, Gierdziewicz* – от нем. *Gerard, Gerchard* (Rymut, 1999, с. 233) или от лит. *Gerđzius*, ср. лтш. *Gerdiņš*, лит. *gerdas* 'звук, слава, известность; слух, молва' (LPZ, 1985, с. 565).

Гівеневічы. В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Gývis* < *gývas* 'живой; бойкий, резвый'.

Гліндзічы. Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. (Wiśniewski, 1977, с. 28): *Стася Янковича а Миколая Петровича Кглиндича бояровъ господарскихъ 1555* (АВАК, 1874, с. 7). Ойконим, производный от антропонима апеллятивного происхождения, ср. др.-прусск.: *Glande* (1260, 1298), *Glandike, Glynde* (1394), *Glinde*; двучленные: *Ko-glinde, Ko-gland; Na-glindes, San-glinde* (Trautmann, 1925, сс. 47, 64, 88); ср. лит. *Glindā* < *glinda* 'гнида' (LPZ, 1985, с. 144).

Грандзічы. В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лтш. *Grudulis*, лит. *Grañdulas, Gruñdulas* < *grañdulas* 'вид рыбы' (LPZ, 1985, с. 701).

Гудавічы (Гудзевічы). Ср. др.-прусск. *Gudeike, Guddenne* (Trautmann, 1925, сс. 36–37); топ. *Gudeniten, Gudicus, Gudynyken* (Gerulis, 1922, сс. 46–47); лит. *gudas* 'белорус, поляк'.

Даўжычы. Ср. лит. *Daužis*, лтш. *Daužītis, Daūzas, Dàuziņi* (LPZ, 1985, с. 475).

Ёдкавічы (Юдкавічы). Ёдкавічы Вялікія, Ёдкавічы Малыя. Ок. шл. основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. (Wiśniewski, 1977, с. 28): *gruntow boiar Jodkiewiczow 1558* (ПКГ, 1881, с. 478). Ср. лит. *Juodaitis, Juodėlis, Juodeikā* < *júodas* 'черный' (LPZ, 1985, сс. 857–860). Ойконим восходит к краткому литовскому антропониму *Jódka (Jódkas)*, образованному на базе древнего сложного имени: *Jó-daugas* (Zinkevičius, 2008, с. 310). По мнению исследователей, первый компонент соотносится с гнездом родственных слов: лит. *jóti* 'ехать (верхом)', лтш. *jāt* то же, ст.-слав. *jachati, jada*, др.-инд. *yā* 'идти, ходить, ехать', *yānas* 'путь, дорога'

- (Юркенас, 2003, с. 73). Второй компонент связан с гнездом родственных слов: лит. *daig* ‘много’, лтш. *daudz* то же, гот. *daug* ‘годится’ (Юркенас, 2003, с. 113). Согласно другой точке зрения, антропоним восходит к лит. *júodas* ‘черный’, лтш. *juòds* ‘злой дух, лесной дьявол’ (LPZ, 1985, с. 197); ср. др.-прусск.: *Jode*, *Jodeyko*, *Jodenne*, *Joduko*, *Jodute* (Trautmann, 1925, с. 39).
- Мейставічы.** В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Meistas* < *meišti* ‘мешаться, смешиваться; вмешиваться’ (LPZ, 1989, с. 201).
- Радзівілавічы** (Радзівіланцы). Ок. шл. *Шимко Янковичъ з Радивиловичъ* 1567 (ЛМ, 1914, с. 711). Ср. др.-прусск. *Rod-e-wille* (Trautmann, 1925, с. 83), лит. *Rad-vilà*, *Rad-vylà*, *Radz-i-vilas*, лтш. *Rad-vils* (LPZ, 1989, с. 554).
- Рыдзелевічы.** В основе ойконима лежит антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Rýdelis*, лит. *ridēlis* ‘редис’, нем. *Riedel*, польск. *Rydel* (LPZ, 1989, с. 605).
- Скелдычы.** Д. шл. *Poddanych p. Skinderowych Skiældicow* 1558 (ПКГ, 1881, с. 247). Ойконим восходит к антропониму апеллятивного происхождения, ср. др.-прусск. *Chelde*, *Schelden*; лит. *Skeldos* (Trautmann, 1925, с. 93); *Skelta*, *Skeltys* < *skėlti* ‘колоть’; ‘свистнуть, треснуть’; ‘высекать’; *skėldinti* ‘поручить колоть’ (LPZ, 1989, с. 735).
- Тарусавічы.** *Tarusa* – название рода литовской шляхты, проживавшей в н.п. *Тарусы* (Kondratiuk, 1985, с. 74). Компонент *Tar-* является очень древним, отмечается в гидронимии, топонимии, антропонимии, гидр. лит. *Taruškai*, иллир. *Tarus*, русск. *Таруса* (река бассейна Оки) (Топоров & Трубачев, 1962, с. 210); лтш. *Tara*, *Tar-upe* (Vanagas, 1981, с. 340). Антропооснова *Tar-* соотносится литовскими исследователями с гнездом родственных слов: лит. *taŗti* ‘произносить, говорить’, др.-прусск. *tarin* ‘голос’, ср. сложные литовские имена с компонентом *Tar-*: *Tār-a-bildas*, *Tār-butas*, *Tār-putas*, *Tār-talas*, *Tār-taras*, *Tār-tilas*, *Tār-vainas*, *Tār-vidas*, *Tār-vydas*, *Tār-vilas*, *Tār-vinas*, *Tār-vitas*; *Aũ-taras*, *Daũ-taras*, *Geĩs-taras*, *Gin-taras*, *Kẽ-taras*, *Lik-taras*, *Mā-taras*, *Měš-taras*, *Mil-taras*, *Nās-taras*, *Něs-taras*, *Nó-taras*, *Pā-taras*, *Šan-taras* (Zinkevičius, 2008, сс. 147–148); др.-прусск. *Geis-tarre*, *Gyn-tarre*, *Po-tare*, *San-tar*, *Wi-tar*, *Tar-oth* (Trautmann, 1925, с. 152).
- Трычэвічы.** Ойконим образован на базе апеллятивного антропонима балтийского происхождения, ср. лит. *Tričius*, *Tričas*, *Tričys*, от ап. *tričas* ‘горячий; пылкий, страстный человек’ (LPZ, 1989, с. 1067).
- Цвіклічы.** В основе ойконима лежит, вероятно, имя апеллятивного происхождения, ср. лит. *Sviklys*, *Sviklius* < *sviklas* (LPZ, 1985, с. 396); ср. также нем. *Zwick*, *Zwicki*, *Zwicke*, *Zwickel* (Gottschald, 1954, с. 630).

Чурылавічы. Оним мотивирован антропонимом апеллятивного происхождения, ср. лит. *Čiūra* (*s*) → *Čiūr-ėnas*, *Čiūr-ilà* < *čiur-ėnti* ‘струиться’, *čiūrà* ‘плакса’ (Zinkevičius, 1977, с. 131).

Шлумпчы. Ойконим является производным от литовского антропонима типа: *Šliūtra*, *Šliūtrà* < *šliūtra* ‘тот, кто медленно ходит’, *šliūtpinti* ‘медленно, неуклюже идти’ (LPZ, 1989, с. 957).

Спорадически отмечены также ойконимы на *-аки*:

Скраблякі. В основе названия лежат литовские антропонимы типа: *Skroblà*, *Skróblas*, *Skroblis* < *skròbla*, *skroblà*, *skròblas* ‘граб’ (LPZ, 1989, с. 751).

4.1.1. Ойконимы, в которых представлена основа балтийского происхождения и славянские поссессивные форманты *-ово*, *-овка*, *-щина*/*-овщизна*/*-евщизна*, *-ин*/*-ина*:

Бурнева (Бурнеў, Бурнішкі). Ок. шл. *Щасный Новицкий Ейсимонтъ з ыменя Бурневы* 1567 (ЛМ, 1914, с. 685). *Бурнейкович Станислав* Жамойтской земли 1528, 206; *Okolica Burniew* 1765 (АВАК, 1874, с. 418). Ср. лит. антр. *Burnus*, *Burnỹs*, *Burneuko* < *burnà* ‘рот’ (LPZ, 1985, с. 359), ср. блр. фамилии: *Бурнейка*, *Бурнович*, *Бурнас*, *Бурнасаў*, *Бурнасенка*.

Рымуцева. В основе названия лежит балтийский антропоним, ср. лит. *Rimùtis* < *Rimas* < *ramùs* ‘спокойный, тихий’, *romùs* ‘кроткий’, *rimti* ‘успокаиваться’, др.-прусск. *rāms* ‘спокойный, благонравный’, д.-в.-н. *rāma* ‘поддержка, опора’; ср. лит. антр. *Rameikà*, *Ramėlis*, *Ramilis*, *Ramokas*, др.-прусск. *Ramico*, *Romico*, *Romeyke*, *But-rytme*; лтш. *Rammulen*, *Ramate*, *Rame*, *Ramecke*, *Ramicke*, *Rimate*, *Risze*, *Rimune*; герм. *Ramo*, *Ramia*, *Rame-rich*, *Rimo*, *Rim*, *Rimicho*, *Rim-bert*, *Rimi-ger*, *Reme-gaud* (Юркенас, 2003, с. 62).

Коматава (Хоментово). Ср. лит. *Kā-mantas*, *Kā-mentas*, *Kā-mintas* (Zinkevičius, 2008, с. 99); др.-прусск. *Ku-munt* (Trautmann, 1925, с. 45). Возможно, ойконим восходит к ятвяжскому антропониму Комат (Кумат) (Kondratiuk, 1985, с. 44).

Курпйёва (Курпйікі). В основе названия лежит балтийский антропоним апеллятивного происхождения, ср. лит. *Kūrpis* < *kuīrpis* ‘сапожник, башмачник’ (LPZ, 1985, с. 1136).

Пілкава. Ойконим образован на базе литовского антропонима апеллятивного происхождения, ср. лит. *Pilkas*, *Pilkis*, *Pilkaitis*, *Pilkiónis*, *Pilkāvičius*, *Pilkėvičius*, *Pilkáuskas* (Zinkevičius, 2008, с. 562) – от лит. *pilkas* ‘серый’, *pilkaplāukas* ‘сероволосый’.

Шэмбелева. Ср. лит. *Šėmbelis*, *Šėmbelis*, ср. нем. *Schönball* (LPZ, 1989, с. 908).

Войс-нар-ск-ае (Уснар, Овснар). *Петръ Игнатовичъ з ыменя Войснарскаго.* Ср. др.-прусск. *Wais-nor* (Trautmann, 1925, с. 114). В основе ойконима лежит

древнее двучленное имя индоевропейского типа, ср. др.-прусск. *Wais-nor*, *Ways-nar*, *Ways-nor*, *Wayss-nore*, *Wayssenore*, *Wais-nure*; ср. лит. *Vaīs-noris*. Западнобалтийский характер онима выявляется в оппозиции к восточно-балтийскому Войс-/Войш-, ср. *Войш-нар-ович* < 'vaišių porė' (тот, кто хочет угощения) (LPZ, 1989, с. 223). Второй компонент *Nar-* связан с группой родственных слов: лит. *nāras* 'топкое место; трясина', *nérti* 'нырять; мчаться, нестись' (LPZ, 1989, сс. 223, 355).

Далкнеўшчызна. Ср. польск. *Tołkinie*, *Tołkacze*, *Tołkienicha*, антр. *Tołkiń* (Kondratiuk, 1985, сс. 75, 185), ср. лит. антр. *Taukinis* (: *taukinis* 'сальный, жировой, жирный, замасленный') (LPZ, 1989, с. 1029).

Юндзілаўшчызна. Ойконим образован на базе антропонима *Юндил*, основа которого находит соответствие в древнеевропейской антропонимии, ср. др.-прусск. *Jonde*, *Jundike*, *Jundil*, *Jundithen*, *Jundo* (*Junde*), *Jundultis*, *Jundulas*, *Jundalas*, *Jundir* (Trautmann, 1925, сс. 40–41); др.-инд. *Yuddha*, *Yudhi*, *Yuddhisthira* – *sthira* 'твердый, потоянный'; *ji* 'побеждать, обуздывать'. К этому же гнезду родственных слов относятся: лит. *judėti* 'двигаться', *judinti* 'двигать', *jūsti* (*junta*, *juto*) 'чувствовать', *jaudinti* 'беспокоить'; *jūsti* (*jundū*, *judaū*); др.-инд. *yúdhyate* 'борется', *yudh* 'борьба'. Ср. имя ятвяжского князя – *Юндиль* (Büga, 1961, с. 137).

4.2. Ойконимы с основой славянского происхождения и балтийским суффиксом представлены единичными примерами: *Казейкі* (Казеі) < *Kazimierz*, *Kazimir*.

4.3. Ойконимы от двучленных имен индоевропейского типа, в которых один компонент славянского происхождения, а другой – балтийского:

Пачабуты. Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. (Wiśniewski, 1977, с. 28). Ср. лит. *Počobutas*, *Počebutis*, *Pačebūtas*, польск. *Poczobut* (Rymut, 2001, с. 259), блр. Пачабут, Пачабыт (Бірыла, 1969, с. 319). Первый компонент находит соответствие в двучленных славянских именах: ст.-чеш. *Pače-mil*, *Pače-mira*, *Pače-slav*, ср. наречный компаратив ст.-слав. *pače* 'больше' (Milewski, 1969, с. 99), русск. паче 'более, тем более вяще, особенно; лучше' (Даль, 1980а, с. 26). Второй компонент *But-* входит в состав сложных антропонимов, зафиксированных во многих индоевропейских языках: др.-инд. *Bhūti-data*; герм. *Bu-man*, *Bu-rad*; лит. *Būt-manas*, *Būt-minas*, *Būt-noras*, *Būt-rimas*, *Būt-vydas*, *Būt-vilas*; *Dar-butas*, *Ei-butas*, *Gim-butas*, *Kāri-butas*, *Nār-butas*; др.-прусск. *Buti-gede*, *Buti-labs*, *But-rytme*, *Alse-but*, *Darge-but*, *Ey-buth*, *Gede-buth*, *Kay-buth*, *Mase-buth*, *Prey-bute*, *Twir-bute*, *Wayne-but*, *Wayse-buth* (Trautmann, 1925, сс. 21–22, 134); польск. *Buta*, *But-aj*, *But-ka*, *Butkus*, *But-oka*, *But-owicz* (Rymut, 1991, с. 93); русск. *Бут*, *Бутай*, *Бутак*, *Бутас*, *Бутень*, *Бутрим*,

Бутус; Бут, Бутак, Бутень, Бутиков, Бутков, Бутримов (Веселовский, 1974, с. 57); блр. Бут, Бутко, Бутыч, Бутэнка, Буткевіч, Бутоўскі, Буткоўскі (Бірыла, 1969, с. 72).

В словаре литовских фамилий антропонимы с корнем *But-* рассматриваются как имена, возникшие на базе гнезда родственных слов: *būti* 'быть', *būtis* 'бытие', *būtas* 'квартира', ст.-слав. *byti*, др.-инд. *bhūtiṣ* 'бытие, хорошее состояние'; др.-ирл. *buith* 'бытие' (LPZ, 1985, с. 144). А. В. Суперанская возводит антропонимы с корнем *Бут-* к следующим словам: *бут* 'полный', *бутеть* 'толстеть', *бутеня* 'пузан, толстяк', *бутус*, *бутуз* 'толстяк, коротыш; новгор. упрямец, неслух'; антропоним Бутас объясняется словом *бутаситься* 'рваться, метаться'; СИ Бутрим сопоставлено с апеллятивом *бутрим* 'упрямец, строптивый' (Суперанская, 1998, с. 138). Польские антропонимы с компонентом *But-* К. Рымут интерпретирует с помощью апеллятивов *bucić się* 'важничать', *buta* 'гордыня' (Rymut, 1999, с. 64). СИ *Butrym* 1487, *Poczobut* рассматриваются К. Рымутом как единицы литовского происхождения (Rymut, 1999, с. 64; 2001, с. 259). Как отмечает Ю. Юркенас, компонент *But-* широко представлен в составе балтийских сложных антропонимов индоевропейского типа. На территории Литвы отмечено значительное количество ойконимов с компонентом *But-*: *But-rimai*, *But-vyd-ónis*, *Būt-vilai*, и др. (LTSR, 1976, с. 47). При этом в системе славянских древних сложных антропонимов основа *But-* не зафиксирована. Все имена, отмеченные в антропонимических словарях славянских языков в качестве этимона компонента *But-*, представляют собой заимствованные слова (Фасмер, 1964, сс. 252–253). Таким образом, можно согласиться с мнением Ю. Юркенаса о том, что антропооснова *But-* «вошла в славянскую антропонимию в результате контактирования балтийской и славянской антропонимических систем» (Юркенас, 2003, с. 147).

Выделяются также составные наименования, в которых одна часть балтийская, а вторая славянская: *Вялікія Эйсманы*, *Малыя Эйсманы*.

5. Неясные и двусмысленные ойконимы

Согласно Ю. Юркенасу, «формальное сходство отдельных единиц, возникших на базе разных апеллятивов, как правило, влечет за собой процесс конвергенции. Поэтому в антропонимии можно выделить определенное количество компонентов, которые с одинаковой степенью вероятности могут быть отнесены к двум (и более) онимическим явлениям. В одних случаях предпочтение можно отдать одному из предполагаемых источников. В других случаях оба источника могут рассматриваться как равноценные. В третьих случаях соответствующие СИ можно воспринимать как результат сближения антропонимических рядов» (Юркенас, 2003, с. 191).

Отмечаются неясные и двузначные названия, которые можно интерпретировать как результат сближения онимических рядов:

Запавічы (*Żorowicze*, в XIX в. – Рэпавічы). Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. (*Wiśniewski*, 1977, с. 28): *Hrisko, Iwassko a Danilo Zorowici* (ПКГ, 1881, с. 25). Ср. др.-прусск. *Sapelle, Zapel, Sapke* (Trautmann, 1925, с. 90); ср. также ятв. гидр. *Zāp-sē, Zap-sÿs* (оз.), лит. гидр. *Žėp-la*: лтш. (видимо литуанизм из-за ž) *žap-k-as* ‘лужи на болоте’ (гидр. показывают балтийскую апофонию *žap-/*žėp-), далее авест. *gafya* ‘бездна, пропасть’, др.-инд. *hāp(h) ikā* ‘зевать, зиять’ (Савукина, 1966, с. 170).

Кудрычы (Кудраўшчызна). Ок. шл. *Maciej Kudra* 1573, *Stas Kudr(z)ucki* 1578 (SHN, 1997, с. 190); *oth gruntow boyar Kudrycz* 1765 (ПКГ, 1881, с. 29); (АВАК, 1874, с. 404). Ср. польск. *Kudra, Kudrawka, Kudrawskie, Kudrelik, Kudryno*; лит. *kūdra* ‘пруд’, ‘подмокшее место, поросшее кустами’ (Kondratiuk, 1985, сс. 44, 127–128); ср. также лит. *kudrys* ‘вор; мошенник, плут’, ‘шалун, озорник’ (LPZ, 1985, с. 1103); др.-прусск. *Kvdir, Kwdir, Kwder* (Trautmann, 1925, с. 49). Другим источником антропонимов, возможно, является ряд единиц, представленных в славянских языках: бел. *Кудра, Кудрук, Кудрыцкі* (Бірыла, 1969, с. 226); русск. *Кудрин* < *Кудря* < *кудрявый* (Парфенова, 2005, сс. 226–227).

Кулікі. Ок. шл.: *Опанасъ Куликовичъ з села Куликовского* 1567 (ЛМ, 1914, с. 698); польск. *Woysiech Kulikowski* 1662 (SHN, 1997, с. 193). В качестве одного из источников образования имени З. Зинкявичюс предлагает сложные антропонимы балтийского происхождения: *Kù-butás, Kù-dabás, Kù-darás, Kù-gaudás, Kù-gelás, Kù-karás, Kù-kurás, Kù-likás, Kù-metás* (Zinkievičius, 2008, с. 104). Другим источником могли послужить имена прозвищного типа, зафиксированные в славянских языках: бел. *Кулік, Кулікоўскі*, рус. *Куликов* < *кулик* ‘болотная птица’, ‘пьяница’, ‘глупый, простоватый, недогадливый человек’ (Парфенова, 2005, с. 229).

Мігава. Ср. блр. *Міга, Мігай, Мігун*, русск. ап. мигун ‘тот, кто часто моргает’ (Бірыла, 1969, с. 284); лит. *Migis, Migÿs* – от лит. ап. *miegālius* ‘соня’ (LPZ, 1989, с. 225).

Міхнішкі. Ср. лит. *Michnius, Miknius* < *miknà, miknius* ‘заика’ (LPZ, 1989, с. 230). Ср. также бел. *Міхно*: *Михаил* (Бірыла, 1969, с. 123); польск. *Michna, Michno* < *Mikołaj* (SSNO, III, сс. 456–457).

Манькевічы. Ср. русск. *Моня*, блр. *Моня*, ап. *моніць* ‘звать, призывать’; ср. также лит. древнее сложное имя *Man-kantas* (LPZ, 1989, с. 155).

Саванева (Sowoniewo). Одним из источников образования ойконима могло послужить древнее литовское сложное имя *Só-vaitis*, ср. производные от данной единицы краткие имена: *Sóva, Sovà, Sovónis; Sovickis* (Zinkevičius,

2008, с. 319). Другим источником антропонима мог быть апеллятив *саван*, др.-русск., ц.-слав. *саванъ* через греч. *sabanon* из семит., ср. араб. *sabanijjat* – «ткань, которая вырабатывалась в Сабане под Багдадом» (Фасмер, 1971, с. 542).

Сарасеки. Ок. шл., основана ятвяжскими рыцарями в XVI в. (Wiśniewski, 1977, с. 28): *Pan Jakub Sarosiek* 1765 (АВАК, 1874, Т. VII, с. 401). Основа *Sar-* соотносится с краткими литовскими именами *Sarÿs*, *Sarùlis*, образованными на базе сложных антропонимов с первым компонентом *Sar-*: *Sár-gaudas*, *Sár-gautas*, *Sár-gedas*, *Sár-gelas*, *Sár-manas*, *Sár-palas* (Zinkevičius, 2008, с. 132). Данная антропооснова является очень древней, она представлена в антропонимии, топонимии и гидронимии. Ср. лит. антр. *Sarÿs*, *Sarõlis*, *Sarùlis*; нем. *Sar*, *Saro*, *Sahr*, *Saar* (e), *Sarre* (LPZ, 1989, с. 678), др.-прусск. *Sarecka*, *Sarginus*, *Sarybod*, *Sarchz*, *Sarticke*, *Sartune*, *Sarotte* (Trautmann, 1925, с. 90); кельт. *Sorillus*, *Sorinus*, *Soris*, *Sorrius*, *Sorus* (Юркенас, 2003, с.130); гидр. лит. *Sarià*, лтш. *Sarija*, *Sarupe* (Vanagas, 1981, с. 291). Возможным источником антропонимов с основой *Sar-* ученые считают этимологический ряд, единицы которого содержат и.-е. корень, обозначаемый символом **ser-/sreu* ‘течь, бежать’. Другим источником могла быть группа родственных слов, возникших на базе и.-е. **ser-/sor-* ‘красный’, ср. лтш. *sarkans* ‘красный’, лит. *sartas* ‘буланный’, *ser-b-entà* ‘смородина’ (Юркенас, 2003, с. 130).

Онимы балтийского происхождения на территории, где балтийские языки вышли из употребления, подверглись славянизации. При освоении славянскими языками часть онимов балтийского происхождения была адаптирована, а другая часть включена в белорусскую онимическую систему в той форме, в которой наименования использовались в балтийских языках. При адаптации преобразовалась в первую очередь конечная часть ойконима: блр. *Дайліды* (: лит. *Dailidès*); *Трумпы*, ср. лит. *Trūmpaičiai*. Произошло изменение фонетического облика онимов:

а) монофтонгизация дифтонгов: *Ёджи* (: лит. *Juodkiaĩ*);

б) изменение *d* → *dz* перед гласным переднего ряда как результат известной особенности белорусского произношения: *Радз-і-віл-авічы*, ср. лит. топ. *Radvilaĩ*, *Radviliaĩ*; *Гудзевічы*, ср. лит. топ. *Gudaĩ*, *Gudeĩkai*.

В составе онимов сохранились многие литовские суффиксальные морфемы:

а) с элементом *-l-*: *-уль* < *-ulis*: *Бірулічы*, ср. лит. *Barùlis*; *-ель* < *-elis*, *-èlis*: *Petel-czyse*, ср. *Petel-is*; *Мікелевічы*, ср. лит. *Mikelis*;

б) с элементом *-t-*: *-уць* < *-utis*: *Syruciowce* < лит. *Sirutis*; *-унт* < *-unt*: *Даргунд-ы* (Даргунты);

в) с элементом *-k-*: ойконимы на *-эйка* < *-eika*: *Пraleйкі*;

г) с элементом *-n-*: *-ен-* < *-ènas*: *Гівеневічы*, *-он-* < *-onys*: *Чарлёна*.

Заимствованные имена претерпели в процессе усвоения ряд фонетических изменений, большинство из которых обусловлены особенностями, общими для славянских языков. Некоторые изменения порождены процессами, которые характерны только для белорусского языка или его диалектов.

Часть ойконимов восходит к сложным антропонимам индоевропейского типа: *Даўспуды, Радзівілы, Эйсманты, Вайс-нар-скае*. В балтийской онимии единицы такой структуры рассматриваются как исключительно архаические образования.

Отдельную группу составляют гибридные балто-славянские наименования, типичной особенностью которых является славянское оформление балтийских основ, что соответствует этническим отношениям и хронологии освоения данной территории, ср. (Топоров & Трубачев, 1962, с. 21).

Проанализированные источники отражают широкое взаимодействие антропонимических и топонимических систем. Процессы адаптации, гибридизации, сближения онимических рядов нужно рассматривать как результат многовекового культурного ассимилятивно-интеграционного процесса их носителей и потомков. Онимия Гродненщины является свидетельством древнейших балто-славянских языковых и культурных контактов. Важную часть составляют онимы балтийского происхождения от родовых имен или фамилий рыцарских родов, многие из которых содержат западно-балтийские элементы. Значительная часть ойконимов сохранилась на исследуемой территории в составе современных белорусских фамилий.

Сокращения

- LPZ** – Lietuvių pavardžių žodynas, 1985–1989, red. A. Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius. – 2 t.
- LTSR** – Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas, 1976. Vilnius. – 2 d.
- SHN** – Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L., 1997–1998, Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV – XVII w.): w 2 t. Białystok.
- SNW** – Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych, 1992–1994 / Wyd. K. Rymut. Kraków. 10 t.
- SSNO** – Słownik staropolskich nazw osobowych, 1965–1987, red. W. Taszycki. Wrocław. 7 t.
- АВАК** – Акты, издаваемые Археографической Виленской комиссией для разбора древних актов: в 39 т., 1874, Вильна. Т. 7: Акты Гродненского гродского суда.
- ЛМ** – Литовская метрика. Отд. 1–2. Ч. 3. Т. 1. Книги публичных дел. Юрьев, 1914.
- ПВЛ** – Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года, 2003. (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага; кн. 523). Мінск.
- ПКГ** – Писцовая книга Гродненской экономии с прибавлениями: в 2 ч., 1882 / Вилен. комис. для разбора древ. актов. Вильна. Ч. 2.

Библиография

- Abramowicz, Z., Citko, L., & Dacewicz, L. (1997). *Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV – XVII w.): w 2 t.* [SHN] (Vols. 1–2, Vol. 1). Białystok: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Uniwersytet w Białymstoku.
- Būga, K. (1961). *Rinkiniai raštai* (Vols. 1–3, Vol. 3). Vilnius: Valstybinė Polit. ir Mokslinė Literatūros Leidykla.
- Gerulis, G. (1922). *Die altpreußischen Ortsnamen*. Berlin; Leipzig: Gruyter.
- Gottschald, M. (1954). *Deutsche Namenkunde: unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung*. Berlin: de Gruyter.
- Jakubowski, J. (1928). *Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVI wieku: 1 : 600 000*. Kraków: skł. gł. w księgarniach Gebethnera i Wolfa.
- Jakubowski, J. (1935). Powiat grodzieński w w. XVI. In *Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski* (Z. 3, pp. 99–114). Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Kłóskowska, A. (1996). *Kultury narodowe u korzeni*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kondratiuk, M. (1985). *Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu białostockiego*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinybas* [LTSR]. (1976) (Vol. 2). Vilnius: Mintis.
- Milewski, T. (1969). *Indoeuropejskie imiona osobowe*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN.
- Rymut, K. (Ed.). (1993). *Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych* [SNW] (Vols. 1–10, Vol. 3). Kraków: Polska Akademia Nauk. Instytut Języka Polskiego.
- Rymut, K. (1999). *Nazwiska Polaków: słownik historyczno-etymologiczny* (Vols. 1–2, Vol. 1). Kraków: Wydaw. IJP PAN.
- Rymut, K. (2001). *Nazwiska Polaków: słownik historyczno-etymologiczny* (Vols. 1–2, Vol. 2). Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN.
- Safarewiczowa, H. (1956). *Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN.
- Sawaniewska-Mochowa, Z., & Zielińska, A. (2007). *Dziedzictwo kultury szlacheckiej na byłych Kresach północno-wschodnich Rzeczypospolitej*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Taszycki, W. (Ed.). (1965–1987). *Słownik staropolskich nazw osobowych* [SSNO] (Vols. 1–7). Wrocław.
- Trautmann, R. (1925). *Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen.
- Vanagas, A. (1981). *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
- Vanagas, A., Maciejauskiene, V., & Razmukaite, M. (Eds.). (1985–1989). *Lietuvių pavardžių žodynas* [LPZ] (Vols. 1–2). Vilnius: Mokslas.
- Wiśniewski, J. (1964). Rozwój osadnictwa na pograniczu Polsko-Rusko-Litewskim od końca XIV do połowy XVII w. *Acta Baltico-Slavica*, 1, 115–135.
- Wiśniewski, J. (1977). Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny: geneza, rozwój oraz zróżnicowanie i przemiany etniczne. *Acta Baltico-Slavica*, 11, 7–80.

- Zinkevičius, Z. (1977). *Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje*. Vilnius: Mokslas.
- Zinkevičius, Z. (2008). *Lietuvių asmenvardžiai*. Vilnius: Lietuvių Kalbos Institutas.
- Акты, издаваемые Археографической Виленскою комиссией для разбора древних актов: в 39 т. (Vol. 7: *Акты Гродненского гродского суда*) [АВАК]. (1874). Вильна.
- Бірыла, М. В. (1969). *Беларуская антрапанімія: [у 3 ч.]* (Ч. 2). Мінск: Навука і тэхніка.
- Бірыла, М. В., & Ванагас, А. П. (1968). *Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Бубновіч, І. І., & Сіплівеня, Ж. С. (2012). Шляхі ўтварэння айконімаў Гродзеншчыны: родавыя і патранімічныя назвы. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта*, (Серыя 3, № 1 (127)).
- Веселовский, С. Б. (1974). *Ономастикон: древнерус. имена, прозвища и фамилии*. Москва: Наука.
- Вилен. комис. для разбора древ. актов. (1881–1882). *Писцовая книга Гродненской экономии с прибавлениями: в 2 ч.* [ПКГ] (Ч. 2). Вильна.
- Даль, В. И. (1978). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* (Vols. 1–4, Vol. 1). Москва: Русский язык.
- Даль, В. И. (1979). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* (Vols. 1–4, Vol. 2). Москва: Русский язык.
- Даль, В. И. (1980a). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* (Vols. 1–4, Vol. 3). Москва: Русский язык.
- Даль, В. И. (1980b). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* (Vols. 1–4, Vol. 4). Москва: Русский язык.
- Жучкевич, В. А. (1974). *Краткий топонимический словарь Белоруссии*. Минск: БГУ.
- Лемцюгова, В. П. (Ed.). (2004). *Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Гродзенская вобласць: нарматыўны даведнік*. Мінск: Тэхналогія.
- Литовская метрика*. Отд. 1–2. Ч. 3. Vol. 1. *Книги публичных дел* [ЛМ]. (1914). Юрьев.
- Непокупный, А. П. (1974). Балтизмы белорусского Понеманья. *Lietuvos TSR aukštuji tokyklų darbai. Kalbotyra*, 25 (2), 69–79.
- Непокупный, А. П. (1976). *Балто-севернославянские языковые связи*. Киев: Наукова думка.
- Парфенова, Н. Н. (2005). *Словарь русских фамилий конца XVI – XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья)*. Москва: Синергия.
- Пераніс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага; кн. 523)* [ПВЛ]. (2003). Мінск.
- Савукинас, Б. (1966). К проблеме западнобалтийского субстрата в югозападной Литве. *Baltistica*, 1 (2).
- Суперанская, А. В. (1998). *Словарь русских личных имен*. Москва: Изд-во АСТ.
- Топоров, В. Н., & Трубачев, В. Н. (1962). *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. (Н. И. Толстой, Ed.). Москва: изд-во Академии наук СССР.

- Фасмер, М. (1964). *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* (О. Н. Трубачев, Trans.) (Vols. 1–4, Vol. 1). Москва: Прогресс.
- Фасмер, М. (1971). *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* (О. Н. Трубачев, Trans.) (Vols. 1–4, Vol. 3). Москва: Прогресс.
- Юркенас, Ю. (2003). *Основы балтийской и славянской антропонимики*. Вильнюс: Ciklonas.
- Янушкевіч, С. А. (1998). *Уласныя назвы паселішчаў заходняй Гродзеншчыны: аўтарэф. дыс. канд. філал. навук*. Мінск.

Bibliography (transliteration)

- Abramowicz, Z., Citko, L., & Dacewicz, L. (1997). *Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV – XVII w.): w 2 t.* [SHN] (Vols. 1–2, Vol. 1). Białystok: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Uniwersytet w Białymstoku.
- Akty, izdavaemye Arkheograficheskoi Vilenskoiu komissiei dlia razbora drevnikh aktov: v 39 t.* (Vol. 7: *Akty Grodnenskogo grodskogo suda*) [ABAK]. (1874). Vil'na.
- Biryła, M. V. (1969). *Belaruskaia antrapanimiia: [u 3 ch.]* (Ch. 2). Minsk: Navuka i tэхhnika.
- Biryła, M. V., & Vanagas, A. P. (1968). *Litoŭskiiia elementy ŭ belaruskaŭ anamastytsy*. Minsk: Navuka i tэхhnika.
- Bubnovich, I. I., & Siplivenia, ZH. S. (2012). Shliakhi ūtvarennia aikonimaŭ Hrodzenshchyny: rodavyia i patranimichnyia nazvy. *Vesnik Hrodzenskaha dzarzhajūnaha universiteta*, (Seryia 3, № 1 (127)).
- Būga, K. (1961). *Rinktiniai raštai* (Vols. 1–3, Vol. 3). Vilnius: Valstybinė Polit. ir Mokslinės Literatūros Leidykla.
- Dal', V. I. (1978). *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* (Vols. 1–4, Vol. 1). Moskva: Russkiiĭ iazyk.
- Dal', V. I. (1979). *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* (Vols. 1–4, Vol. 2). Moskva: Russkiiĭ iazyk.
- Dal', V. I. (1980a). *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* (Vols. 1–4, Vol. 3). Moskva: Russkiiĭ iazyk.
- Dal', V. I. (1980b). *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* (Vols. 1–4, Vol. 4). Moskva: Russkiiĭ iazyk.
- Fasmer, M. (1964). *Ėtimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* (O. N. Trubachev, Trans.) (Vols. 1–4, Vol. 1). Moskva: Progress.
- Fasmer, M. (1971). *Ėtimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* (O. N. Trubachev, Trans.) (Vols. 1–4, Vol. 3). Moskva: Progress.
- Gerulis, G. (1922). *Die altpreuŕischen Ortsnamen*. Berlin; Leipzig: Gruyter.
- Gottschald, M. (1954). *Deutsche Namenkunde: unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung*. Berlin: de Gruyter.

- IAnushkevich, S. A. (1998). *Ulasnyia nazvy paselishchay zakhodniaŭ Hrodzenshchyny: aŭtarėf dys. kand. filal. navuk*. Minsk.
- IUrkenas, IU. (2003). *Osnovy baltiŭskoĭ i slavianskoĭ antroponimiki*. Vil'nius: Ciklonas.
- Jakubowski, J. (1928). *Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVI wieku: 1 : 600 000*. Kraków: skł. gł. w księgarniach Gebethnera i Wolfa.
- Jakubowski, J. (1935). Powiat grodzieński w w. XVI. In *Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski* (Z. 3, pp. 99–114). Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Kłoskowska, A. (1996). *Kultury narodowe u korzeni*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kondratiuk, M. (1985). *Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu białostockiego*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Lemtsiugova, V. P. (Ed.). (2004). *Nazvy naselenykh punktaŭ Rėspubliki Belarus': Hrodzenskaia voblasts': narmatyŭny davednik*. Minsk: Tėkhnalogiia.
- Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo ųinynas* [LTSR]. (1976) (Vol. 2). Vilnius: Mintis.
- Litovskaia metrika*. Otd. 1–2. Ch. 3. Vol. 1. *Knigi publichnykh del* [JIM]. (1914). IUr'ev.
- Milewski, T. (1969). *Indoeuropejskie imiona osobowe*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN.
- Nepokupnyĭ, A. P. (1974). Baltizmy belorusskogo Poneman'ia. *Lietuvos TSR aukŭstuju mokyklŭ darbai*. *Kalbotyra*, 25 (2), 69–79.
- Nepokupnyĭ, A. P. (1976). *Balto-severnoslavianskie iazykovye sviazi*. Kiev: Naukova dumka.
- Parfenova, N. N. (2005). *Slovar' russkikh familii kontsa XVI – XVIII vv. (po arkhivnym istochnikam Zaural'ia)*. Moskva: Sinergiia.
- Perapis voiska Vialikaha kniastva Litoŭskaha 1528 hoda (Metryka Vialikaha Kniastva Litoŭskaha; kn. 523)* [ПБЛ]. (2003). Minsk.
- Rymut, K. (1999). *Nazwiska Polaków: słownik historyczno-etymologiczny* (Vols. 1–2, Vol. 1). Kraków: Wydaw. IJP PAN.
- Rymut, K. (2001). *Nazwiska Polaków: słownik historyczno-etymologiczny* (Vols. 1–2, Vol. 2). Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN.
- Rymut, K. (Ed.). (1993). *Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych* [SNW] (Vols. 1–10, Vol. 3). Kraków: Polska Akademia Nauk. Instytut Języka Polskiego.
- Safarewiczowa, H. (1956). *Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN.
- Savukinas, B. (1966). K probleme zapadnobaltiŭskiego substrata v iugozapadnoĭ Litve. *Baltistica*, 1 (2).
- Sawaniewska-Mochowa, Z., & Zielińska, A. (2007). *Dziedzictwo kultury szlacheckiej na byłych Kresach północno-wschodnich Rzeczypospolitej*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Superanskaia, A. V. (1998). *Slovar' russkikh lichnykh imen*. Moskva: Izd-vo AST.
- Taszycki, W. (Ed.). (1965–1987). *Słownik staropolskich nazw osobowych* [SSNO] (Vols. 1–7). Wrocław.

- Toporov, V. N., & Trubachev, V. N. (1962). *Lingvisticheskiĭ analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ia*. (N. I. Tolstoĭ, Ed.). Moskva: izd-vo Akademii nauk SSSR.
- Trautmann, R. (1925). *Die altpreuĖischen Personennamen*. Göttingen.
- Vanagas, A. (1981). *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
- Vanagas, A., Maciejauskiene, V., & Razmukaite, M. (Eds.). (1985–1989). *Lietuvių pavardžių žodynas [LPZ]* (Vols. 1–2). Vilnius: Mokslas.
- Veselovskii, S. B. (1974). *Onomastikon: drevnerus. imena, prozvishcha i familii*. Moskva: Nauka.
- Vilen. komis. dlia razbora drev. aktov. (1881–1882). *Pistsovaia kniga Grodnenskoĭ ekonomii s pribavleniiami: v 2 ch.* [IIKT] (Ch. 2). Vil'na.
- Wiśniewski, J. (1964). Rozwój osadnictwa na pograniczu Polsko-Rusko-Litewskim od końca XIV do połowy XVII w. *Acta Baltico-Slavica*, 1, 115–135.
- Wiśniewski, J. (1977). Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny: geneza, rozwój oraz zróżnicowanie i przemiany etniczne. *Acta Baltico-Slavica*, 11, 7–80.
- Zhuchkevich, V. A. (1974). *Kratkii toponimicheskii slovar' Belorussii*. Minsk: BGU.
- Zinkevičius, Z. (1977). *Lietuvių antroponimika: Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje*. Vilnius: Mokslas.
- Zinkevičius, Z. (2008). *Lietuvių asmenvardžiai*. Vilnius: Lietuvių Kalbos Institutas.

Nazwy toponimiczne pochodzące od antroponimów na pograniczu białorusko-polskim

Streszczenie

Artykuł analizuje toponimy pochodzące od antroponimów na ziemi grodzieńskiej, odnotowane w materiałach piśmiennych od XV do XVII w. i porównuje je z aktualnymi danymi. Celem określenia językowych, kulturowych i historycznych uwarunkowań tego regionu, zbadano strukturę i ewolucję przestrzenną cech nazw słowiańskich i bałtyckich.

Z historycznego i etymologicznego punktu widzenia można wyznaczyć różne okresy. Liczną grupę tworzą ojkonimy pochodzenia bałtyckiego i słowiańskiego, tworzone od nazw osobowych i przydomków o charakterze apelatywnym. Znaczna część ojkonimów wywodzi się od obcojęzycznych imion chrześcijańskich. Trzecia grupa obejmuje nazwy osad, pochodzące od złożonych nazw indoeuropejskich. Na grupę czwartą składają się hybrydy nazw bałto-słowiańskich, zrekonstruowane od podstaw słowiańsko-bałtyckich, odpowiadające stosunkom etnicznym i historii osadnictwa na badanym obszarze. Nazwy bałtyckie na badanym terytorium, w formie substytucji fonetycznej i morfologicznej, dowodzą bliskich bałto-słowiańskich kontaktów językowych i kulturalnych. Liczne

ojkonimy pochodzenia bałtyckiego zachowały się na badanym terytorium jako element występujący we współczesnych nazwiskach białoruskich.

Słowa kluczowe: nazwy własne; dawna antroponimia; ojkonimy; semantyka; bałto-słowiańskie kontakty językowe

Deantroponymic names in the Belarusian-Polish frontier

Summary

The article analyzes deantroponymic toponyms of Grodno land, recorded in written materials of 15th–17th centuries in comparison with current data. The origin, structure and evolution of the areal features of Slavic and Baltic names are investigated to conform the language, cultural and historical features of the region.

From the historical and etymological point of view different time strata can be allocated. An extensive group was formed by oikonoms of the Baltic and Slavic origin, derived from personal names and nicknames of appellative character. A significant part in the oikonoms group is the group based on foreign-language Christian names. The third group includes settlement names, derived from the ancient complex Indo-European names. The fourth group consists of hybrid of Balto-Slavic names; a typical feature of which is the reconstruction of a Slavic-Baltic bases, which corresponds to the chronology of the development of this territory.

Baltic names in the investigated territory, in the form of phonetic and morphological substitution, are the evidence of close Balto-Slavic linguistic and cultural contacts. Many oikonoms of Baltic origin are preserved in the investigated territory as part of modern Belarusian surnames.

Keywords: proper names; ancient anthroponymy; oikonomy; semantic; Balto-Slavic language contacts